

УДК 172.13: 32.019.51

DOI: 10.26456/vtphilos/2026.1.117

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И УГРОЗЫ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А.А. Ковалев

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург

В статье, опираясь на философскую антропологию, раскрываются основные угрозы антропологической безопасности, проявляющиеся в трансформационном обществе: быстрые перемены затрагивают социальную, культурную, технологическую и ментальную сферы. Антропологическая безопасность понимается как состояние, при котором человек сохраняет родовые человеческие признаки, личностное единство и способность к самостоятельному действию при внешних влияниях и внутренних изменениях. В центре внимания – философско-антропологический угол рассмотрения, позволяющий понимать безопасность как условие сохранения человеческого измерения, а не как охрану от телесных опасностей. Личностное единство одновременно служит предпосылкой и направлением антропологической безопасности, охватывая биологические, ментальные, культурные и исторические измерения человеческого бытия. Перемены неизбежны, однако часть из них ведёт к обезчеловечиванию: возрастает риск утраты самостоятельности и разрушения механизмов самостождественности. Отсюда следует вопрос о пределах допустимых изменений; при их нарушении подлинные формы существования подменяются искусственными конструкциями. К факторам, нарушающим антропологическую безопасность, относятся социальные и культурные изменения, техногенные процессы, информационно-когнитивные влияния, биотехнологические воздействия, а также культурное растворение, разрушающее межпоколенческую связь и способность придавать смысл. Переход за пределы допустимого влечёт антропологические модификации, способные привести к утрате самостоятельности и замещению способности к самостоятельному действию технологическими или алгоритмическими режимами управления, что ставит под сомнение сохранение человека как уникального явления.

Ключевые слова: *глобализация, человек, идентичность, антропологические угрозы, целостность, национальная безопасность.*

Введение

Человек сталкивается с множеством вызовов, угрожающих его личностному единству. Глобальные социальные, технологические и культурные изменения ставят под угрозу базовые условия человеческого бытия, а безопасность затрагивает социальную сферу, политику и антропологию. Если классическая философская антропология сосредотачивалась на поиске сущностных черт человека, то сегодня требуется показать, каким рискам

© Ковалев А.А., 2026

подвергаются существенные черты и могут ли они быть защищены и сохранены [7].

Антропологическая безопасность относится к числу центральных проблем философской антропологии, поскольку касается сохранения базовых характеристик человека. Под антропологической безопасностью разумно понимать состояние защиты жизнедеятельности, при котором сохраняются ключевые характеристики – биологические, ментальные, культурные и другие. Развитие биотехнологий, информационных практик управления сознанием и новых форм культурного воздействия затрагивает традиционные социальные институты и представление человека о себе как об автономном существе с уникальными свойствами, задающими человеческую меру. Перечисленные методы применяются в войнах нового типа, при которых физическое противостояние дополняется либо заменяется информационно-ментальным воздействием. В результате представление о себе становится пространством столкновения разных сил. Противодействие разворачивается по разным направлениям и реализуется различными средствами – от глобальных экономических интересов до политических манипуляций, от изменений культурного кода до воздействия технологий на психику и тело [17, с. 106]. Процессы, меняющие базовые механизмы восприятия и взаимодействия, нередко остаются скрытыми: воздействие проявляется постепенно, изменяя способы мышления, формы взаимодействия и структуру восприятия реальности.

Проблема антропологической безопасности выходит за рамки прикладных рассуждений о защите человека от физических или информационных угроз. В центре – сохранение человеческого в человеке и способность человека оставаться самостоятельным действующим лицом при росте утраты ориентиров и зависимости. Несмотря на декларируемую ценность личной свободы, усиливается зависимость человека от структур, формирующих сознание, задающих модели поведения и алгоритмы выбора.

Философская антропология позволяет прояснять природу и бытие человека, поэтому исследователь и обычный читатель сталкиваются с необходимостью отвечать на вызовы, которые порождает новая реальность. При этом антропологическая безопасность не сводится к рассмотрению отдельно взятых вызовов настоящего: предмет шире, поскольку затрагиваются сам факт человеческого существования, пределы допустимых изменений и возможности сохранения человеческого измерения, а также способность человека оставаться самостоятельным действующим лицом и творцом.

Философско-антропологический подход к безопасности человека

Исторически безопасность человека связывали с телесной защитой, социальной стабильностью и правовыми гарантиями. Ориентация на телесную защиту, социальную стабильность и право отражает лишь внешние условия существования и потому оказывается недостаточной. Философская антропология рассматривает безопасность как условие человеческого существования, при котором сохраняется личностное единство даже

при нестабильности мира. Антропологический аспект безопасности исходит из динамичности человека: жизненный путь представляет открытый процесс самостановления; пределы допустимых изменений задают критерий безопасности.

Уже Т. Гоббс рассматривал антропологическое измерение безопасности как значимое основание формирования государства. По мнению философа, потребность в безопасности выступает ведущим мотивом возникновения государственной власти. Человек, стремясь уйти от рисков «естественного состояния» («войны каждого с каждым»), переходит к общим правилам и совместной защите; в исследовательской литературе данная мысль формулируется следующим образом: «реализация принципа национальной безопасности – единственный путь объединения людей для взаимной защиты, при котором каждый, защищая себя, одновременно обеспечивает безопасность интересов общества в целом» [11, с. 64].

Философская антропология позволяет различить два ключевых измерения безопасности: сохранение способности человека к самостоятельному действию и сохранение онтологических параметров человеческого бытия. Первое связано со способностью понимать себя как самостоятельного деятеля, обладающего свободой воли и склонностью к саморефлексии. Угрозы, ведущие к утрате способности, относятся к манипулятивным технологиям, дегуманизирующим практикам и отчуждающим формам социальной организации. Онтологические параметры человеческого бытия задают пределы трансформации человеческого существа. Поскольку человек неизбежно меняется и перестраивает представление о себе в социокультурных процессах, возникает вопрос о границе, после которой изменения становятся необратимыми. Антропологическая безопасность касается защиты существующего состояния человека и сохранения личностного единства при значительных изменениях окружающей среды [21, р. 69].

Угрозы безопасности человека в новых условиях отличаются от традиционных: они не выступают как явные разрушительные факторы, а действуют скрыто, постепенно воздействуя на человеческое бытие и потому часто оставаясь нераспознанными. Философско-антропологический анализ направлен на выявление скрытых процессов, которые шаг за шагом стирают границы между действующим лицом и тем, на что направлено действие, между личностным и обезличенным.

Антропологическая безопасность как способ сохранения целостности человека в изменяющемся мире

Изменчивость всегда сопровождала человеческое существование, однако темпы и характер сегодняшних трансформаций качественно отличаются от предшествующих эпох. Человек вовлечён в процессы неизбежных изменений социальных структур, технологических условий жизни и представлений о себе. В таких обстоятельствах актуализируется проблема антропологической безопасности, речь идёт о сохранении единства личности в телесном, ментальном, культурном и историческом измерениях. Единство

личности нельзя сводить к статичному сохранению изначальной природы человека во всех проявлениях, поскольку в разные эпохи менялись формы самопонимания и условия существования, при этом перемены не отменяли родовых человеческих признаков. Проблема безопасности возникает, когда трансформации выходят за пределы допустимого и угрожают самой возможности согласованного существования. Поэтому в философской антропологии возникает важный вопрос, как определить пределы допустимости и необходимость происходящих трансформаций [2, с. 398]. Почему вопрос стал настолько значимым в XXI веке? Причина связана с технологическими возможностями: технологии уже позволяют воздействовать на структуру человеческого тела, изменять психофизиологические параметры, создавать искусственные формы восприятия, а также менять представления о границах между естественным и искусственным.

Единство личности определяется биологической природой, единством сознания, личной памятью и тем, что передаётся от предыдущих поколений: исторической памятью и культурными нормами. Зачастую угрозы безопасности маскируются под формы прогресса, удобства, расширения возможностей. Чем естественнее воспринимаются новые технологии и чем прочнее они входят в повседневность, тем менее заметными становятся процессы постепенного разрушения. Когда привычные механизмы понимания себя заменяются цифровыми алгоритмами, а самостоятельность личности и выбор замещаются моделями, заранее заданными системой, происходит уже не адаптация к новым условиям, а утрата способности воспринимать себя как единство личности.

Сочетание изменчивости и сохранения единства личности задаёт пределы антропологической безопасности. При утрате способности понимать происходящее и контролировать внешние процессы единство личности оказывается под угрозой. Ключевым становится вопрос о пределах самостоятельности личности, поскольку формируется зависимость, отличная от привычных форм принуждения; зависимость не подавляет волю напрямую, а незаметно входит в повседневность, снижая готовность к сопротивлению. Речь идёт о воздействиях, не ведущих к физическому уничтожению человека; они постепенно меняют восприятие, замещая подлинные формы существования имитациями и культурно-ментальными суррогатами.

Влияние социальных, культурных и техногенных факторов на антропологическую безопасность

Если раньше формы коллективности определялись традиционными структурами, то сегодня они всё чаще строятся на принципах абстрактной взаимозаменяемости. С развитием глобализации и цифровизации прежние организационные рамки ослабевают, и на первый план выходят сетевые формы взаимодействия. Люди всё чаще вступают в виртуальные сообщества, где социальная роль определяется не происхождением и не культурной

традицией, а функциональностью и соответствием установленным стандартам [1]. В результате взаимодействия становятся поверхностными, а идея прочной принадлежности к конкретному сообществу слабеет.

Культурные факторы действуют менее заметно, однако их значение остаётся высоким. Культуру традиционно описывали как систему значений, позволяющую человеку понимать себя и формировать представления о мире; к данной теме обращались философы, антропологи и культурологи. У Эрнста Кассирера в работах «Философия символических форм» [6] и «Опыт о человеке», культура мыслится как мир символических форм, задающий способы ориентации в реальности посредством мифа, искусства и науки. Клод Леви-Стросс в «Структурной антропологии» и «Диком мышлении», подчёркивал значение структурных кодов для передачи культурных смыслов [20]. Хосе Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» и «Размышлениях о Дон Кихоте», связывал культуру с историческим сознанием общества и формированием общих критериев понимания прошлого и настоящего [10].

Сегодня культура часто воспроизводит заранее заданные модели восприятия. Мышление становится шаблонным под действием массовой культуры, которая формирует стереотипные представления, стандартизирующие и унифицирующие способы мышления. Развлекательные индустрии, цифровые платформы и глобальные медиакомпании задают готовые образы, заменяя рефлекссию мгновенными реакциями. Вместо развития личного понимания мира культура производит удобные и легко усваиваемые значения. Процессы глобализации и культурной вестернизации приводят к замене традиционных механизмов передачи значений упрощёнными аналогами, лишёнными содержательной насыщенности [3, с. 22]. Фольклорные традиции разных народов заменяются унифицированными формами массового искусства, в которых национальные особенности сводятся к стилизованным визуальным клише. Ритуальные и обрядовые практики, некогда составлявшие важную часть социального взаимодействия, превращаются в коммерческие аттракционы для туризма, теряя символическое значение для сообщества. Язык также подвержен таким изменениям. Изменения проявляются, когда сложные философские и литературные тексты уступают место кратким информационным сообщениям, не требующим развёрнутого размышления. В результате исчезают уникальные культурные коды и механизмы понимания. Погружение в непрерывный поток разрозненной информации снижает способность к переживанию и рефлексии, а также к аналитической работе, превращая восприятие в реактивное потребление.

Техногенные изменения играют особую роль в жизни человечества и каждого человека, выходя за пределы инструментального отношения к миру. Они преобразуют способы взаимодействия с реальностью и меняют человеческое восприятие. Всё чаще звучат предположения, согласно которым человека предлагают рассматривать как объект технологической модификации, адаптируемый к техногенной среде. Развитие биотехнологий, кибернетики и искусственного интеллекта меняет представления о человеке,

стирая границы между естественными возможностями организма и технологическими расширениями [15]. В результате широко распространяются идеи постгуманизма и трансгуманизма, где перемены понимаются как неизбежный этап эволюции. Так, Ник Бостром в книге *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies* («Сверхразум: пути, опасности, стратегии») рассматривает последствия развития искусственного интеллекта для будущих форм разума [18], а Рэй Курцвейл в работе *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology* («Сингулярность близка: когда люди выйдут за рамки биологии») утверждает: технологическое развитие может привести к объединению человека и машин [19]. Макс Мор в эссе *Transhumanism: Towards a Futurist Philosophy* («Трансгуманизм: на пути к футуристической философии») характеризует технологическое расширение человеческих возможностей как следующий шаг эволюции [22], а Фрэнсис Фукуяма, критикуя трансгуманистические тезисы в работе *Our Posthuman Future* («Наше постчеловеческое будущее»), предупреждает о рисках утраты ключевых аспектов человеческой природы [13]. В итоге биоинженерия и цифровая медиатизация создают виртуальные образы, алгоритмически управляемые предпочтения и искусственные информационные среды, заменяя традиционные ориентиры и меняя представления о границе между естественным и искусственным.

Философско-антропологический анализ позволяет сделать вывод: параллельное развитие процессов формирует единую систему угроз. Они не противостоят друг другу, а усиливают взаимное воздействие: социальные изменения создают предпосылки для культурных сдвигов, культурные трансформации создают условия для технологической модификации, а техногенные процессы закрепляют структурные изменения в социальной и смысловой сферах [16, с. 186]. В результате безопасность человека становится зависимой от способности сопротивляться процессам, лишаящим его возможности оставаться активным действующим лицом. Антропологическая незащищенность проявляется в постепенном стирании границ между подлинной и искусственно созданной реальностями. В результате действие социальных, культурных и техногенных факторов остается незаметным, поскольку проявляется не как открытое насилие, а как модификация структуры восприятия. Трудность распознавания угроз и поиска способов снижения их воздействия на сознание связана с тем: человек, находясь внутри трансформаций, нередко не замечает угрозу и воспринимает происходящее как естественное развитие событий.

Информационные и когнитивные воздействия на человека

Для антропологической безопасности опасны информационные и когнитивные воздействия скрытого типа. Они меняют способы взаимодействия с миром и изменяют работу мышления под действием заданных алгоритмов восприятия. Человек живёт внутри потоков сообщений, которые снижают рефлексивность и побуждают к быстрым, малообдуманным реакциям.

Размышление и анализ уступают место механическим когнитивным шаблонам, встроенным в принципы работы цифровых платформ; критическая оценка получаемой информации уходит на второй план. В социальных сетях и поисковых системах ранжирование материалов опирается на прошлые действия пользователя и создаёт эффект «информационного пузыря»: человек получает главным образом удобные версии объяснения происходящего и реже знакомится с альтернативным взглядом на вопрос. Распространение коротких форматов подачи материала упрощает восприятие и сокращает место для сложных аналитических построений. Быстрое потребление фрагментированных сведений снижает способность к длительной концентрации и длительному размышлению; формируется клиповое мышление. Цифровые технологии меняют способы коммуникации и закрепляют новые когнитивные привычки: вместо вдумчивого разбора преобладают мгновенные реакции на информационные стимулы, а восприятие сводится к пассивному принятию заранее сформулированных значений.

Информационные технологии создают новые формы социальной реальности, в которых человеческое сознание теряет самостоятельность и многомерность при получении и обработке сведений. Постепенное сближение биологических и цифровых механизмов мышления меняет представления о границе между естественными и искусственными формами познания [5, с. 146]. Технологические инструменты облегчают доступ к знаниям, одновременно снижая способность человека к самостоятельному формированию значений. Интерактивные помощники, голосовые ассистенты и алгоритмические рекомендации дают готовые ответы и задают, какие вопросы будут поставлены. Автозаполнение поисковых запросов направляет мыслительный процесс ещё до того, как пользователь сформулирует собственный вопрос. Образовательные платформы и цифровые энциклопедии предлагают информацию в предельно упрощённой форме, исключая сложные конструкции и переводя процесс познания в режим механического усвоения готовых сведений. Системы автоматического перевода снимают часть мотивации к самостоятельному изучению языка, снижая когнитивную нагрузку и ослабляя понимание оригинального текста. Даже в научной сфере, где упрощение и ориентация на шаблоны изначально не предполагаются, модели генерации текстов способны создавать аргументированные материалы, сокращая потребность в аналитической работе до минимума. В результате человек привыкает к готовым когнитивным шаблонам, а поиск нового всё чаще сводится к выбору из предложенных вариантов, а не к вдумчивой работе с материалом.

Возникает парадокс: чем сложнее когнитивные технологии, тем меньше у человека остаётся возможностей для познавательной самостоятельности. Запоминание, понимание и самонаблюдение всё чаще зависят не от собственных интеллектуальных механизмов, а от внешних систем, которые задают, какие элементы информации подлежат пониманию и усвоению. Парадокс усиливается тем, что информационные технологии предлагают

удобство, доступность и мгновенную реакцию, создавая видимость расширения познавательных возможностей. Однако чем сильнее человек привыкает к внешним когнитивным механизмам, тем реже замечает их действие и тем быстрее переходит к готовым интеллектуальным решениям. Главная опасность информационных и когнитивных воздействий заключается не в прямом подавлении мышления, а в незаметном подчинении принципам работы систем, которые задают новые структуры сознания.

Биотехнологические и генетические вызовы антропологической безопасности

Развитие биотехнологий и генетических методов вмешательства в организм, с одной стороны, обещает освобождение от физических ограничений, с другой стороны ведёт к тому, что человеческое существование всё чаще задаётся технологическими параметрами и заранее заданными характеристиками.

Технологические решения затрагивают фундаментальные аспекты человеческого существования и нередко выглядят привлекательнее методов традиционной медицины. Медицина стремится восстановить единство организма при болезни или травме, а биотехнологии, помимо лечения, допускают модификацию, создавая новые формы телесности, когнитивных возможностей и эмоционального состояния. В результате человек перестаёт воспринимать себя как неизменную данность и оказывается в положении управляемого объекта; телесность и ментальность становятся параметрами, которые можно корректировать извне. Изменение генетической структуры человека ставит этические и антропологические вопросы. Возможность программировать характеристики будущих поколений меняет принцип преемственности, поскольку прежнее представление о человеке как о связующем звене поколений может быть вытеснено моделью, где наследование становится результатом внешнего проектирования. При таких вмешательствах человек перестаёт быть результатом уникального сочетания биологических и социальных факторов, и становится результатом проектирования; представление о человеке определяется не процессами саморазвития, а внешними решениями.

Генетическая модификация ведёт к утрате спонтанности в формировании личности; она сокращает пространство личного становления, в котором сохраняются самопроверка, поиск себя и непредвиденные открытия. Нейротехнологии, воздействие на память, стимуляция эмоций, корректировка характера посредством химических и нейрофизиологических методов формируют реальность, где границы между естественным и искусственным становятся менее различимыми [4, с. 90].

Биотехнологическое воздействие не выглядит как угроза антропологической безопасности. Напротив, оно часто воспринимается как развитие, улучшение, освобождение от телесных ограничений. Меняется само отношение к телу. Так, если в традиционном понимании тело считалось неотъ-

емлемой частью личности, у Мориса Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» тело понимается как ключ к человеческому самопониманию [9], а у Мартина Хайдеггера в «Бытии и времени» телесность связана с бытием-в-мире и невозможностью отделить человека от собственного способа присутствия в мире [14], то при биотехнологической трансформации тело всё чаще рассматривается как предмет оптимизации. Поэтому возможности биотехнологий и генной инженерии порождают сомнения относительно границы между человеком как самостоятельным деятелем и результатом технологического проектирования.

Проблематика самостоятельности личности и воздействия на человеческую природу показывает масштаб антропологического кризиса; человек живёт рядом с технологиями и постепенно становится их частью. Соединение естественного и искусственного порождает вопросы, ответы на которые человечество будет искать в ближайшие годы. При утрате самостоятельности и при полностью управляемом существовании сохраняется ли человек как человек? Или возникает иной тип человека, при котором свобода заменяется программируемостью, а представление о человеке сводится к набору параметров, корректируемых по заранее заданным алгоритмам?

Культурное размывание и антропологическая нестабильность

Культура выступает не внешним окружением, а системой значений, которая задаёт сознание, восприятие реальности и идентичность. Однако при глобальных трансформациях её структура изменяется, приобретая подвижный, фрагментированный и утилитарный характер. Ранее культура обеспечивала передачу исторической памяти, накопленных значений и форм идентичности. Передача шла посредством символических систем: мифологических и религиозных нарративов, литературных канонов, художественных традиций и ритуалов, которые задавали общие ориентиры идентичности. При текущих изменениях культурная среда теряет устойчивые ориентиры, и проявляется утрата способности к смысловому ориентированию [8, с. 14]. В итоге смысловые структуры ослабевают, культурные формы теряют связность, а на первый план выходит состояние неопределённости. Возникает кризис идентичности, при котором разрушаются привычные культурные коды и затрудняется их восприятие.

Разрушение традиционных культурных ориентиров порождает антропологическую неопределённость, которая проявляется как неспособность человека сохранять идентичность при непрерывно меняющихся культурных значениях. В прошлом культурные изменения происходили постепенно, в силу естественно обусловленных факторов и обстоятельств, позволяя человеку адаптироваться к изменяющейся среде, а сегодня их динамика такова, что адаптация превращается в постоянный процесс без ясного результата. Человек вынужден заново определять свою принадлежность; при таком состоянии идентичность не становится прочнее, а приобретает ситуативный характер и зависит от внешних импульсов. Сдвиги культурных оснований ведут не к утрате отдельных форм, а к изменению организации культуры, которая всё

чаще выступает инструментом воздействия, управления и манипуляции. При массовой медиатизации культурных процессов смещается акцент с содержания на знаковость; важен не смысл, а эффект, создаваемый образом. Доминирование коротких форматов и клипового мышления приводит к тому, что художественные, научные и философские традиции вытесняются поверхностными прочтениями, рассчитанными на быстрый прогнозируемый отклик публики. Медиапространство перестаёт быть средством смысловой трансляции и становится инструментом создания эффектов; ценность высказывания определяется не его содержанием, а способностью привлечь внимание. В результате культура всё чаще выглядит как пространство эффекта и шума, а не смысловой работы и вдумчивого чтения.

Одним из следствий культурной трансформации становится отказ от исторической преемственности. Историческое сознание замещается фрагментированным восприятием времени; связь прошлого и настоящего ослабевает и перестаёт быть значимой для нового поколения. Человек перестаёт мыслить себя частью исторического процесса и ориентируется на мгновенные события, оценивая их вне общего культурного целого [12, с. 125]. Зависимость от краткосрочных стимулов переводит человека в положение управляемого объекта, а идентичность сводится к набору временных масок, сменяющихся в зависимости от ситуации и конъюнктуры.

Изменение культурных оснований связано с языковым кризисом, поскольку язык остаётся ключевым средством упорядочивания представлений о реальности. Эмоциональная насыщенность начинает преобладать над рациональной составляющей языка, из-за чего язык упрощается. В речи всё чаще доминируют экспрессивные выражения, слоганы и меметические конструкции, которые вызывают мгновенный отклик, но бедны по содержанию. Ускоренный темп информационных потоков не оставляет времени на вдумчивое чтение, вынуждая человека действовать в режиме быстрой реакции. В таких условиях на спокойное обдумывание почти не остаётся времени. Способность к длительному сосредоточению и последовательному построению мысли уступает место импульсивному восприятию, ориентированному на быстрые эмоциональные оценки. Обеднение языка лишает человека возможности внятно описывать реальность во всей её сложности, делая его более уязвимым к внешним воздействиям.

Заключение

Антропологическая безопасность при разносторонних цивилизационных трансформациях выходит за пределы традиционного понимания обеспечения безопасности, которое ограничивается защитой от внешних угроз. Речь идёт о самой основе человеческого существования, которая подвергается значительным изменениям вследствие социальных, культурных, технологических и биологических факторов. Человек сталкивается с необходимостью адаптации к быстро меняющейся реальности и с задачей сохранить способность быть действующим лицом и самостоятельностью, а также

идентичность, поскольку границы между естественным и искусственным становятся всё менее отчётливыми.

Глобальные изменения в культуре, способах мышления, биотехнологиях и цифровых алгоритмах снижают надёжность привычных механизмов поддержания представления человека о себе. Человек оказывается в состоянии неопределённости; связь прошлого и настоящего ослабевает, а собственные базовые признаки всё чаще пересматриваются вследствие внешних воздействий. Со временем складывается образ личности, зависящий от программируемых моделей поведения и теряющий способность к самостоятельному пониманию себя и окружающего мира.

Сегодня в системе национальной безопасности усиливается вопрос о сохранении человека как антропологического вида. Постановка вопроса показывает необходимость пересмотра привычных представлений о прогрессе и развитии. Взаимодействие новых технологий и человека ставит в центр задачу сохранить способность быть действующим лицом при принятии решений и оценке происходящего. При этом самосохранение не сводится к физическому выживанию или продлению жизни; речь идёт о более широком горизонте. Самосохранение предполагает развитие способности формировать значения, поддерживать единство личности, сохранять чувство уникальности и связь поколений. Утрата перечисленных характеристик ведёт к исчезновению человека как уникального явления и превращает его в программируемую часть управляемых технологических и социальных конструкций.

Человек как творец и саморазвивающийся феномен не является статичным; он подвержен изменениям, которые составляют часть естественных процессов развития и трансформации. Однако у изменений существуют пределы; человеку необходимо их определить и обозначить, чтобы получить ясные критерии оценки: какие изменения поддерживают развитие, а какие ему противоречат. От этого зависит мера внешнего принуждения к изменению человеческой природы: человек либо сохранит способность быть действующим лицом и самостоятельностью, либо окажется в потоке технологического и культурного программирования, теряя самостоятельность и возможность независимого существования.

Список литературы

1. Баева Л.В. Влияние цифровизации образования на человека в контексте проблемы безопасности // Философия образования. 2020. Т. 20. № 2. С. 131–144.
2. Василенко В.Н., Чащина Т.В. Ноосферная стратегия безопасности // Уровень жизни населения России. 2022. Т. 18. № 3. С. 392–403.
3. Дробот Г.А. Человек как субъект угроз международной безопасности (антропология безопасности) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 21–24.
4. Дрозд А.Л. Проблема генетической безопасности в контексте трансгуманизма // Геополитика и безопасность. 2012. № 3 (19). С. 89–92.

5. Засухина В.Н. Безопасность человека в условиях современной цивилизации // Гуманитарный вектор. 2013. № 2 (34). С. 144–149.
6. Кассирер Э. Философия символических форм. М.; СПб.: Унив. кн., 2001. Т. 1: Язык 271 с.
7. Колин К.К. Структура и приоритеты глобальной безопасности // Стратегические приоритеты. 2017. № 4 (16). С. 13–33.
8. Маслова М.В. Гуманитарная безопасность России в современных условиях: к вопросу социально-философской методологии исследования // Власть. 2011. № 11. С. 12–15.
9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с франц. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента: Наука, 1999. 605 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: Ермак, 2005. 509 с.
11. Павлович О.В. Антропологическая парадигма национальной безопасности в философской системе Томаса Гоббса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 7 (126). С. 62–67.
12. Старостин А.М. Антропологическая безопасность в контексте национальной и глобальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 1 (152). С. 123–128.
13. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, ЛЮКС, 2004. 349 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и время; Пер. с нем. В.В. Биbihина. Харьков: «Фолио», 2003. 509 с.
15. Храпов С.А. Пределы технологизации человека: проблема искусственного интеллекта // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2 (31). С. 195–200.
16. Храпов С.А. Проблемы когнитивной безопасности человека в условиях высокотехнологичного общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3 (32). С. 184–190.
17. Шарковская Н.В. Модусы глобализации в социально-культурной деятельности: антропологический аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 5 (91). С. 102–110.
18. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford University Press, 2014. 328 p.
19. Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. New York: Viking, 2005. 652 p.
20. Levi-Strauss C. Ce que l'ethnologie doit a Durkheim // Annales de l'Universite de Paris. 1960. № 30 (1). P. 47–52.
21. Lomako O.M. Anthropological Crisis in the Risk Society: Philosophical Analysis // RUDN Journal of Philosophy. 2019. No. 23 (1). P. 66–73.
22. More M. Transhumanism: Towards a Futurist Philosophy. 1990, 1996. URL: <https://web.archive.org/web/20051029125153/http://www.maxmore.com/transhum.htm> (дата обращения: 13.02.2026).

**ANTHROPOLOGICAL SECURITY AND THREATS OF A
TRANSFORMATIONAL SOCIETY:
PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS**

A.A. Kovalev

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
St. Petersburg

Based on philosophical anthropology, the article reveals the main threats to anthropological security that manifest themselves in a transformational society: rapid changes affect the social, cultural, technological and mental spheres. Anthropological security is understood as a state in which a person retains generic human characteristics, personal unity and the ability to act independently under external influences and internal changes. The focus is on the philosophical and anthropological angle of consideration, which makes it possible to understand safety as a condition for preserving the human dimension, and not as protection from bodily dangers. Personal unity simultaneously serves as a prerequisite and direction for anthropological security, encompassing the biological, mental, cultural and historical dimensions of human existence. Changes are inevitable, but some of them lead to dehumanization: the risk of loss of independence and destruction of the mechanisms of identity increases. This leads to the question of the limits of acceptable changes; when they are violated, genuine forms of existence are replaced by artificial structures. Factors that violate anthropological security include social and cultural changes, man-made processes, informational and cognitive influences, biotechnological influences, as well as cultural dissolution, which destroys intergenerational communication and the ability to make sense. Going beyond the limits of what is acceptable entails anthropological modifications that can lead to a loss of independence and the replacement of the ability to act independently by technological or algorithmic control modes, which calls into question the preservation of man as a unique phenomenon.

Keywords: *globalization, man, identity, anthropological threats, integrity, national security.*

Об авторе:

КОВАЛЕВ Андрей Андреевич – кандидат политических наук, доцент кафедры ГМУ, Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Санкт-Петербург. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Author information:

KOVALEV Andrey Andreevich – PhD (Political Science), Associate Professor of the Department of GMU, North-Western Institute of Management – branch of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.02.2026.

Дата принятия рукописи в печать: 22.03.2026.